

Автор.

№ 40

+

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА
ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА СССР

На правах рукописи

ДЖАФАРКУЛИЕВ МИРАГА АШРАФ ОГЛЫ

**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И
ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Специальность: 12.00.09 — уголовный процесс и
криминалистика

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени доктора
юридических наук

МОСКВА — 1990

Работа выполнена во Всесоюзном научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры Союза ССР

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор юридических наук, профессор **Алексеев В. Б.**

доктор юридических наук **Кашепов В. П.**

доктор юридических наук, профессор **Чувилев А. А.**

Ведущая организация — Всесоюзный научно-исследовательский институт МВД СССР.

Защита состоится « 5 » ноября 1990 года в « 14 » час.
на заседании специализированного совета Д 147—01—02 Всесоюзного научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка.

123022, Москва, 2-я Звенигородская, д. 15.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института.

Автореферат разослан « 28 » ~~сентября~~ сентября 1990 года.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат юридических наук

Л. Н. ВИКТОРОВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

6086

I. **Актуальность темы исследования и ее проблемы.** Радикальные социально-экономические и политические реформы, осуществляемые в стране, неразрывно связаны с решением проблем национально-государственного строительства. Без их решения невозможно ни реализовать во всей глубине процессы демократизации, гласности и строительства правового государства, ни осуществить идеи республиканского и регионального хозрасчета, ни обеспечить подлинного суверенитета союзных республик в сочетании с укреплением федерации равноправных республик. «Национальный вопрос в Советском Союзе приобрел в последнее время исключительную остроту... Решение возникших в связи с этим проблем имеет огромное значение для судеб перестройки и будущего нашей страны» — говорится в этой связи в Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях»¹.

К числу центральных задач в рассматриваемой сфере несомненно относится обеспечение, развитие и социальная защищенность всего комплекса языков, на которых говорят большие и малочисленные нации и народности. В свою очередь, она неразрывно связана с проблемой государственных языков суверенных союзных республик, автономных республик, языков большинства населения местностей в пределах союзных и автономных республик, языка межнационального общения (официального языка СССР), соотношением этих понятий, их статусом, социальными и правовыми гарантиями жизни языков и языкового равноправия, как важнейшей составной части обеспечения национально-государственного суверенитета и вместе с тем равноправия всех наций и национальностей, проживающих на соответствующей территории.

Один из узлов этой проблематики видится в сфере судопроизводства, где в наиболее острой форме затрагиваются права и свободы значительного круга граждан и во многом формирующим сам облик правового государства.

Проблема национального языка и в судопроизводстве, как и в целом, находится, можно сказать, на пересечении таких важных направлений перестройки, как обеспечение свобод-

¹ Правда, 1989, 17 августа.

ного развития каждой нации и народности на принципах равноправия и интернационализма; гарантирование защиты прав и свобод граждан и выполнения ими обязанностей перед обществом и государством; консолидация нашего общества как цивилизованного, гуманного, справедливого содружества равноправных, социально-активных и социально-ответственных людей; развитие культуры межнациональных отношений. Актуализация проблемы связана с тем, что мы переходим от провозглашения этих принципов и истин к обеспечению их реализации, к осуществлению процессов национального возрождения в русле созидания, в интересах каждого народа и страны в целом. И это закономерно, поскольку национальный язык — это не только средство общения каждой нации и народности, но и носитель их культуры, знаний и традиций нравственных, художественных, научных ценностей; символ национального существования, позволяющего членам этноса осознать свое единство. Язык представляется одним из главных, решающих признаков, фиксирующих само существование наций и народностей. Проблема национального языка охватывает все основные стороны жизнедеятельности общества, государства, наций, народностей. Самобытность национальных культур как уникальных ценностей и их носителей — национальных языков, должна наряду и во взаимодействии с другими гарантиями (политическими, идеологическими, экономическими, нравственными и т. д.) обеспечиваться правовыми мерами, исключаящими любую дискриминацию и неуважение.

Развитие и равноправие национальных языков, высокая языковая культура, взаимное уважение и охрана национально-языковых прав и свобод граждан в этой сфере является существенным элементом укрепления взаимопонимания и духовного взаимообогащения, укрепления дружбы наций и народностей; реального осуществления демократии и гласности, высокой социальной защищенности личности в нашей стране.

Ленинская мысль о необходимости строжайших правил, обеспечивающих употребление национального языка в республиках, входящих в Союз¹, полностью сохраняет свое значение до настоящего времени. Ей полностью соответствует позиция союзного и республиканского законодателя на современном этапе развития нашего общества. «Советское государство обеспечивает гражданам СССР условия для использования в различных сферах государственной и общественной

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 361.

жизни языков народов СССР, заботится об их возрождении, сохранении и развитии»¹. И один из важнейших аспектов реализации этих требований закона связан именно со сферой судопроизводства, где от этого в существенной, а нередко и решающей степени зависит осуществление целей правосудия, доброе имя и судьба многих людей. Афоризм Алишера Навои «Словами можно смерть предотвратить, словами можно мертвых оживить» обретает новый смысл применительно к этой сфере.

Принцип национального языка судопроизводства, как одно из воплощений демократии и гласности советского государственного и общественного строя, его системы правосудия, равенства граждан перед законом относится к числу базовых принципов судопроизводства. Его последовательное проведение в жизнь является существенным условием всесторонности, объективности, полноты производства по уголовному делу, вынесения справедливого решения и верного восприятия его участниками процесса, общественным мнением как такового; способствует обеспечению законности судопроизводства, его воспитательному и предупредительному воздействию.

В современной социальной ситуации, когда последовательно осуществляются приоритетные направления утверждения ленинских начал национальной политики, решительного ее очищения от наслоений и деформаций, с тем чтобы обеспечить полнокровное и динамичное единство наций и народностей в национальном многообразии страны², значение разработки политической и правовой концепции национального языка судопроизводства все более актуализируется. Необходи-

¹ Закон Союза Советских Социалистических Республик «О языках народов СССР»//Известия, 1990, 5 мая.

² В первых национально-государственных документах Советской власти — например, в Декларации прав народов России — использовались термины «народ» и «этническая группа». В современном союзном законодательстве о языках — законе о языках народов СССР — использованы термины «народ» и «население», а также «язык союзной республики, автономной республики, автономной области, автономного округа, большинства населения местности». Эта терминология подчеркивает связь языковой проблемы и национально-государственного строительства. Но применительно к нашей теме важен и этнический аспект, с точки зрения политических границ, в пределах которых в основном осуществляются функции этнического сохранения и воспроизводства, сопрягающийся с обеспечением равноправия перед правосудием, что касается народа одной республики (иной автономии) или населения местности в другой республике, иной автономии или местности на всей территории страны независимо от владения языком судопроизводства. Поэтому мы в соответствии с рекомендациями специалистов используем термины «нация» и «народность» как наиболее общие и всесторонние. См.: Тишков В. А. Народ и государство. Коммунист, 1989, № 1, с. 50.

димо учитывать с одной стороны продолжающееся — вопреки усиливающимся, но преходящим сложностям объективного и субъективного характера — развитие процессов совместной трудовой деятельности и жизнедеятельности в сфере свободного времени и быта представителей разных наций и народов, миграционные процессы; процессы создания совместных предприятий и объединений межнационального и межгосударственного характера, интенсификация которых прогнозируется по мере перехода к регулируемой рыночной экономике, а с другой стороны — остроту проблем сохранения нациями и народностями своей культуры, языка, традиций, осознания себя как этно-культурной общности, равноправной с другими, и в этой связи расширения сфер применения национальных языков, введение их официального статуса.

В условиях радикальной правовой и судебной реформы в нашем обществе, воплощающем идеи перестройки, социалистического правового государства, гуманного и демократического социализма первостепенное значение приобрела в сфере этих процессов задача **адекватного выражения** принципа национального языка судопроизводства в государственном и процессуальном законодательстве, судебной, прокурорской, следственной практике, начиная от рассмотрения заявлений (сообщений) и до разрешения дела и стадий судопроизводства, в которых проверяется законность, обоснованность, справедливость решения. Такого выражения, которое обеспечит:

— осознание правоприменителем и общественным мнением политического и правового значения принципа национального языка судопроизводства как в аспекте обеспечения национального равноправия и тем самым — интернациональной дружбы советских людей, так и в аспекте достижения истины и справедливости в правосудии;

— точное соответствие положений конституционного и процессуального законодательства; четкое определение компетенции законодательства республики, которая «обретая широкую самостоятельность, должна взять на себя и полную ответственность за обеспечение гражданских прав людей всех национальностей на своей территории»¹ и союзного законодательства, как выражения и общих интересов всех наций и народностей; решение возможных языковых коллизий, конкурентных ситуаций в судопроизводстве;

— «двуединое» понимание и осуществление принципа национального языка судопроизводства, охватывающего: а) пра-

¹ Выступление Президента СССР М. С. Горбачева на внеочередном третьем Съезде народных депутатов СССР//Правда, 1990, 16 марта.

ва и обязанности органа, осуществляющего производство по делу, вести его соответственно на национальном (государственном языке республики, языке большинства населения местности, официальном языке СССР; б) права участников судопроизводства, не владеющих свободно этим языком¹;

— полное воплощение этого принципа в системе конституционных гарантий, его реализация в любом органе, осуществляющем судопроизводство во всех стадиях последнего и в отношении всех участников; иными словами — в процессуальном институте, целостно регулирующем этот «сквозной» аспект судопроизводства;

— учет международно-правовых документов о защите и развитии национальных языков и языкового равноправия²;

— воспрещение и применение достаточных санкций в отношении любых «облегченных» решений в сфере применения принципа национального языка судопроизводства, попыток его игнорировать, в т. ч. «облегченного» подхода к использованию двуязычия;

— применение достижений науки о переводе, современных технических средств, «обслуживающих» перевод, и обеспечивающие его закрепление и проверку.

Нельзя не упомянуть и влияние на поставленную проблему некоторых специфических криминологических процессов. В частности, поочередное или одновременное обострение обстановки в ряде крупных регионов страны диктует необходимость маневрирования силами органов дознания, следствия, прокуратуры, использования помощи экспертов и защитников из других краев и областей, назначения к слушанию дел вне пределов республики, где совершены преступления. Это, в свою очередь, приводит к возникновению ряда проблемных ситуаций, требующих углубленных теоретических разработок и практических рекомендаций, от которых требуется особая четкость в связи с тем, что обострение обстановки связано в большинстве случаев с безответственной игрой экстремистских сил на национальных чувствах и в ходе межнациональных конфликтов. Ряд сложных ситуаций возник под влиянием

¹ Строго говоря, здесь имеется и еще один элемент: права лиц, составляющих судебную аудиторию, следить за ходом процесса и его результатами, других лиц, интересующихся результатами производства по делу, познакомиться с ними. Но необходимость учитывать владеют ли они языком, на котором шло судопроизводство (например, при ведении его на официальном языке СССР, или на национальном языке при выездном заседании суда в многонациональном коллективе) должна быть отнесена к числу обязанностей органа, осуществляющего судопроизводство.

² См.: например: Защита меньшинств (социальные меры международного характера для защиты этнических, религиозных или языковых групп). ООН, Нью-Йорк, 1967.

изменения в последние годы характера преступности за счет получившего распространение формирования межрегиональных преступных сообществ, что порождает после их разоблачения ряд проблем относительно выбора языка судопроизводства.

Все сказанное, как представляется, обосновывает вывод о наличии обширного комплекса и возникновении целого ряда новых проблем в рассматриваемой сфере, которые ранее не подвергались самостоятельному исследованию. Их масштабность и значимость обусловили выбор темы данного диссертационного исследования¹.

II. Состояние научной разработки проблемы. Проблемы национального языка судопроизводства разработаны наукой права в гораздо меньшей степени, чем заслуживает ее значение и масштабность. В частности, несмотря на наличие исследований, которые могут здесь служить отправным пунктом (Н. А. Абдуллаев, В. Б. Алексеев, А. Д. Бойков, Б. А. Галкин, Т. А. Добровольская, М. В. Кожевников, И. Д. Перлов, И. Л. Петрухин, А. И. Пиголкин, Г. П. Саркисянц, П. С. Элькинд и др.), полагаем, что, во-первых, многие из ранее сформулированных положений, требуют развития или даже корректировки в свете совершенствования политической и правовой ситуации в стране, политических документов, законодательных актов и практики последних лет; во-вторых, названные авторы, исходя из поставленных ими исследовательских задач, не охватывали проблему в целом; в-третьих, задачи и ход перестройки и связанной с ней правовой и судебной реформы обусловили необходимость принципиально нового подхода к ряду аспектов самой концепции национального языка судопроизводства, которая не могла быть прогнозирована в работах прошлых лет; наконец, в-четвертых, возник ряд новых аспектов проблем, связанных с использованием современных достижений науки в переводе.

С учетом изложенного, представляется теоретически и практически важным на базе анализа содержания и места

¹ Представляется необходимым пояснить, почему автор сохранил в названии темы и содержательной ее характеристике термин «национальный язык судопроизводства», не заменив его, как предлагают некоторые научные работники, термином «язык судопроизводства». Действительно, последний термин на первый взгляд кажется более общим. Но при видимом многообразии терминов и понятий в рассматриваемой сфере (государственный язык, официальный язык и т. п.) они по своей сущности исходят из того, язык какой нации, народности или язык межнационального общения имеется в виду. Переход же на термин «язык судопроизводства» как бы вуалирует политическое значение проблем в современных условиях и выдвигает на первый план «технологию» рабочих языков — важную, но не решающую.

принципа национального языка в системе всех принципов судопроизводства, осуществить целостное рассмотрение его понятия и содержания, в т. ч. через анализ выражающего его института уголовного судопроизводства в современных условиях. Перспективным следует считать и подход к проблеме, связанной с рассмотрением ее места в уголовной и уголовно-процессуальной политике государства. Такой подход позволяет четко определить политико-правовое значение принципа и института национального языка судопроизводства, дать адекватную оценку социальным и правовым последствиям его нарушений, к которым притерпелась практика, и предложить пути для устранения и предупреждения этих нарушений, которые в современных условиях существенно влияют на эффективность и престиж судопроизводства.

Настоятельно требуется, в свете развития общесоциальной ситуации, и исследования таких фундаментальных вопросов как: применение понятий государственного и национального языков, языка большинства населения, языка межнационального общения в сфере судопроизводства; соотношение этих понятий и сфер их применения, в том числе конкуренция (и способы ее устранения), взаимозамена, взаимодополнение и т. д. Принципиальный интерес в этой связи имеет и вопрос о соотношении территориальных границ и возможностей применения языков национальных общностей по масштабу меньших, нежели коренное население союзной республики, на территории которой они проживают.

Автор рассматривает также столь крупные и почти не исследованные вопросы, как: особенности применения национального языка судопроизводства в сменяющих друг друга стадиях процесса; его значение для решения вопросов допустимости доказательств; прокурор, адвокат, потерпевший, свидетель, как субъекты принципа национального языка судопроизводства; особенности перевода речи глухонемых участников процесса и перевода им всего происходящего на нем; средства закрепления и контроля перевода.

III. Цели и задачи исследования. С учетом изложенного в качестве цели диссертационного исследования была определена монографическая разработка политико-правовой концепции роли и применения национального языка судопроизводства как принципа и основного (общего) института последнего¹. Соответственно выделены следующие задачи:

¹ Рассмотрение нами политических аспектов (в увязке с правовыми) концептуальной характеристики принципа национального языка судопроизводства не должно истолковываться как выход за пределы компетенции, т. к. речь идет о процессах, явлениях, обстоятельствах, составляющих

1. Сформулировать и обосновать комплекс базовых теоретических положений о национальном языке судопроизводства, как принципе и институте уголовного судопроизводства; соотношение и содержание понятий национального, государственного, официального языков, языка большинства населения данной местности, языка межнационального общения применительно к сфере судопроизводства;

2. Рассмотреть место и значение этих проблем в уголовной и уголовно-процессуальной политике;

3. Установить субъекты процессуальных прав и обязанностей в этой сфере; связь этих прав и обязанностей с процессуальным статусом участников судопроизводства и процесса доказывания;

4. Раскрыть понятие, дать и обосновать классификацию видов перевода в уголовном судопроизводстве;

5. Рассмотреть систему форм реализации принципа национального языка судопроизводства; проблемные ситуации его применения в зависимости от стадии и места судопроизводства, характера уголовных дел; выявить типичные нарушения в процессуальной практике их последствия и пути устранения в свете конституционных гарантий правосудия и прав личности;

6. Разработать оптимальную модель института национального языка судопроизводства как систему реализации соответствующего принципа;

7. Определить особенности реализации принципа национального языка судопроизводства и выражающего его процессуального института на отдельных стадиях процесса в их взаимосвязи;

8. Разработать критерий оценки компетентности переводчика и качества перевода, проблемы диалектной речи, допустимости связательного перевода, прав любого участника процесса на приглашение своего переводчика, в том числе для помощи в ознакомлении с делом; обосновать вопросы, связанные с использованием современных технических средств при переводе, различиями устного и письменного перевода, с характерной для некоторых республик Кавказа, Средней Азии и Казахстана ситуацией, когда переводчик владеет устной речью, но не может прочесть переводимый документ в связи со сменой алфавита и т. п.;

предмет уголовной политики (политики борьбы с преступностью) и ее составной части — уголовно-процессуальной политики, разработка которой входит в компетенцию соответствующих наук, обслуживающих борьбу с преступностью.

9. Исследовать и предложить оптимальные организационно-правовые основы деятельности судебных переводчиков в современных условиях;

10. Ввести в научный оборот и рассмотреть возможность использования законодателем новых материалов законодательства и практики зарубежных стран.

IV. Методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования. Методологический фундамент диссертационного исследования образуют положения и выводы марксистско-ленинской теории познания; концептуально-политических документов Советского государства и КПСС. В диссертации использованы работы советских и зарубежных исследователей по проблемам философии, социологии, психологии, теории государства и права, конституционному праву, уголовной и уголовно-процессуальной политике, уголовного и гражданского процесса, судоустройству, а также языкознанию, теории перевода и практики их применения. В качестве эмпирической базы использовалась: а) материалы законотворческой работы в области уголовного-процессуального права; б) практика Верховного Суда СССР, судов РСФСР и Азербайджанской ССР за последние 20 лет; в) практика деятельности органов предварительного следствия и прокурорского надзора; г) архивные судебные дела 30—40-х и начала 50-х годов; д) результаты проведенных автором социологических исследований.

Осуществлено детализированное изучение состояния законодательства и практики его применения по проблематике диссертации на материалах Азербайджана (с использованием для сопоставления материалов других крупных регионов) за последние пять лет и их сравнение с ситуацией 70-х годов. Изучено более 700 уголовных дел и 5 тысяч материалов за период 30—40-х и начала 50-х годов под углом зрения вскрытия чудовищных фальсификаций и иных беззаконий сталинского режима, в т. ч. связанных с отбрасыванием принципа национального языка судопроизводства. Проанализирован законодательный материал СССР, союзных республик в его динамике, практика Прокуратуры Союза ССР и прокуратуры Азербайджанской ССР.

V. Научная новизна работы и ее основные положения, вынесенные на защиту.

1. Проблема национального языка судопроизводства как принципа и института последнего в сочетании с системным выявлением современных проблемных ситуаций и определением путей их разрешения в советской юридической литературе на комплексном, монографическом уровне фактически не

разрабатывалась. В диссертации обосновываются и выносятся на защиту новые в теоретическом плане и важные для практики положения и выводы, в том числе:

— о политико-правовом значении принципа национального языка судопроизводства в проблематике национально-государственного строительства в современных условиях; в развитии гласности и демократии в обществе, равноправия и дружбы наций и народностей, его составляющих, в охране прав личности в нем;

— о системе концептуальных положений рассматриваемого принципа, его роли в обеспечении задач судопроизводства и о взаимодействии с другими принципами последнего;

— о реализации принципа национального языка судопроизводства в одноименном процессуальном институте, как одном из основных (общих) институтов судопроизводства, осуществляющих целостное и относительно самостоятельное регулирование соответствующего аспекта уголовного процесса, гарантии правосудия и прав личности;

— об особенностях института национального языка судопроизводства применительно к процессуальному статусу основных участников процесса и содержанию основных процессуальных стадий во взаимосвязи;

— о комплексе проблемных ситуаций процессуальной теории и практики, связанных с развитием суверенитета республик и новых основ союзного государства, включая оптимизацию соотношения конституционного и процессуального, союзного и республиканского законодательства, определение содержания соотношения и снятия коллизий в использовании понятий языков: национального, государственного, официального, большинства населения местности и межнационального общения;

— об обеспечении социальной обоснованности законодательного закрепления принципа национального языка судопроизводства и регулирования его реализации на основе анализа происходящих политических, экономических, демократических, идеологических, национально-культурных процессов, а также изменений в характере преступности;

— о типичных нарушениях принципа национального языка судопроизводства, допускаемых в практике, их социальных (политико-правовых) последствиях и путях устранения; о формировании в этой связи понимания общественным мнением населения и профессиональным правосознанием значения строгого соблюдения рассматриваемого принципа;

— о понятии, классификации, гарантиях правильности судебного перевода, использовании в нем достижений науки и

технических средств; о проблемных ситуациях, связанных с оценкой наличия оснований для участия переводчика (в т. ч. при так называемом двуязычии), его компетентности (в т. ч. при переводе диалектной речи, документов на языке с изменившейся письменностью и т. д.); об особенностях перевода для глухонемых и их речи; об осуществлении и проверке правильности перевода с использованием состязательности и содействия национально-культурных обществ, объединяющих членов этноса, проживающих вне его основной территории;

— о комплексе проблемных ситуаций, связанных с работой на территории республики по приглашению с согласия ее властей следователей, прокуроров, судей, не владеющих национальным (государственным) языком республики, а также с рассмотрением уголовных дел о преступлениях, совершенных в данном регионе, но рассматриваемых судами первой, кассационной, надзорной инстанций вне его пределов;

2. Разработана модель оптимального правового регулирования на уровне концептуального и процессуального законодательства гарантий реализации принципа национального языка уголовного судопроизводства.

3. Выносятся на защиту также предложения по совершенствованию практики применения норм о национальном языке судопроизводства в единстве обеспечения функционирования судопроизводства на предусмотренном законом средстве общения, реализации всей полноты процессуальных прав лиц, им не владеющих, как и требований воспитательного и предупредительного воздействия процесса в свете принципов гласности и состязательности.

4. Обобщены представляющие интерес для теории и практики реализации принципа национального языка судопроизводства положения процессуальных систем некоторых зарубежных стран и исторические материалы.

VI. Практическая значимость диссертации заключается в том, что содержащиеся в ней научные положения, выводы и рекомендации могут быть использованы:

— в ходе правовой и судебной реформы для совершенствования уголовно-процессуального регулирования в целом и по отдельным стадиям процесса;

— при создании новых научно-технических средств, допустимых для использования в судебных переводах текстов и устной речи; их закреплению и контроле за ними;

— при разработке методических рекомендаций по совершенствованию деятельности органов предварительного расследования и суда по обеспечению конституционных прав граждан в судопроизводстве;

— в обеспечении всесторонности, полноты, объективности доказывания обстоятельств, существенных для установления истины по уголовным делам;

— в учебном процессе юридических учебных заведений; в правовом воспитании.

VII. Апробация работы и внедрение в практику ее результатов осуществлены путем:

1. Публикаций по основным положениям диссертации (см. список работ автора по теме); доведения предложений и выводов автора до сведения научных и практических работников в докладах и выступлениях на научных и научно-практических конференциях, семинарах, совещаниях; в докладах и выступлениях на заседаниях коллегий Прокуратуры Союза ССР и республики, на Пленумах Верховного Суда республики и т. д.

2. Внесения предложений и рекомендаций по совершенствованию государственного и уголовно-процессуального законодательства, в т. ч. в процессе подготовки новых и изменения действующих УПК и УК Азербайджанской ССР.

3. Передачи идеологическим, правоохранительным органам и общественным организациям результатов проведенных автором социологических исследований для правового воспитания населения.

4. Исползования министерством юстиции, Верховным судом, прокуратурой и МВД Азербайджана в их работе проведенного диссертантом обобщения судебной практики республики за последние 20 лет по применению принципа национального языка судопроизводства и допускаявшихся нарушений.

5. Внедрения в преподавание на юридическом факультете Бакинского госуниверситета и в некоторых других учебных заведениях данных и выводов автора.

VIII. Структура, краткое содержание и основные выводы диссертации.

Работа состоит из введения, пяти глав, выводов и предложений, списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования, характеризуется научная новизна и практическая значимость работы, перечислены положения, выносимые на защиту, показаны апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

В главе первой — **Национальный и государственный язык, язык межнационального общения: их понятие, содержание и роль в судопроизводстве** диссертант, анализируя политическое и правовое значение предмета своего исследования проблематики в национально-государственном строительстве, приходит к выводу, что было бы ошибкой обращаться к проблемам языка в какой-то конкретной области науки и практики в отрыве от социально-политического бытия наций и народностей в государстве и обществе в целом. Надо учитывать и международное значение общей проблематики, исходной для темы диссертационного исследования, которой все больше уделяется внимания в документах ООН, других международно-правовых документах, в разработке которых участвует СССР.

При изучении политических, социальных, культурных, правовых проблем языков и их функционирования всегда возникают два исходных вопроса: во-первых, о месте языка в системе общественных отношений и, во-вторых, о его роли в этих отношениях. Он одновременно представляет собой и объект самей политики и средство реализации политики государства. Эта двойная функция языка особенно характерна в федеративных государствах и в межгосударственных общениях.

Происходящие в стране процессы, связанные с бытием и развитием национальных языков на современном этапе, еще раз убеждают, что существует самая непосредственная связь между статусом языка (языков) и национально-государственным строительством. Недооценка в течение многих лет этой связи привела к сложным политическим, социально-экономическим, правовым последствиям¹.

Национально-языковые проблемы в нашей стране диссертант рассматривает как важную часть ленинской национальной политики в период перестройки в сфере взаимоотношений людей различных национальностей и национальных общностей.

Политические проблемы национального языка имеют сквозное значение во всех сферах деятельности государства и общества, в том числе и при отправлении правосудия. Закрепление и реализация принципа национального языка в судопроизводстве — это реальная гарантия соблюдения политических прав граждан в правотворческой и правоприменительной деятельности, гарантия реализации таких основополагающих принципов нашего общества как демократизм, гласность, справедливость.

Диссертант подчеркивает, что в условиях формирования

¹ См.: Выступление М. С. Горбачева по итогам обсуждения Политического отчета ЦК КПСС XXVIII съезду партии. Правда, 1990, 11 июля.

социалистического правового государства жизнь действительно требует предоставления всем нациям, народностям, иным этническим группам, включая самые малочисленные, конституционных прав на сохранение и развитие родного языка для обращения на нем в официальные учреждения, в том числе и в судебные органы и использования его при общении в этих учреждениях. При этом речь идет: а) об отправлении правосудия, включая возбуждение дела и предварительное расследование на национальном языке республики, автономии, либо большинства населения местности; б) об ознакомлении с ходом и результатами процесса судебной аудитории и населения на соответствующем языке; в) об обеспечении пользования языком, которым он свободно владеет и переводе на этот язык для участников судопроизводства, не владеющих (в т. ч. не владеющих свободно) языком, на котором оно идет.

Сегодня, когда повсеместно принимаются законы о государственных языках, иных языках этнических и территориальных общностей, языка межнационального общения расширяется сфера применения и возрастает политическая значимость в обществе национальных языков и одновременно усложняются «пограничные» ситуации их использования, необходимо уделить пристальное внимание разработке этих аспектов в процессуальном законодательстве и правоприменении. Регулирование вопросов, касающихся принципа национального языка судопроизводства, необходимо привести в соответствие с нынешними демократическими правами граждан всех национальностей, системой гуманных, демократических ценностей нашего общества.

Формулируя, анализируя, обосновывая понятие и содержание национального, государственного, официального языков, языка большинства населения местности, языка межнационального общения и их соотношение в судопроизводстве, автор исходит из того, что в многонациональном федеративном государстве неизбежно существование многоязычия, причем на отдельных этапах развития общества эта проблема в плане определения сфер применения языков, их взаимодополнения, снятия конкуренции принимает острый характер, выдвигается в ряд особо насущных.

В настоящее время политико-правовой характер наряду с понятиями: «национальный язык», «государственный язык» приобрело понятие «официальный язык», «язык межнационального общения». Определяя сущность этих понятий, следует отметить, что именно из числа национальных языков выделяются и законодательно закрепляются как государственные языки республик, так и общегосударственный язык межна-

ционального общения (русский язык как официальный язык СССР)¹.

В 1990 г. дискуссия вокруг процесса установления в союзных республиках государственного языка и его эквивалента в стране в целом в основном завершилась. Повсеместно официально стало действовать двуязычие, а в некоторых республиках и входящих в них национально-территориальных и территориальных единиц — многоязычие. С этим фактом не только следует считаться, но и необходимо подвергнуть его юридическому анализу, в т. ч. выяснить роль в совершенствовании системы процессуальных норм, гарантий прав участников судопроизводства и установления истины. При этом надо учитывать: а) что процесс, как отмечалось выше, пошел вглубь, захватив автономные республики, а затем и автономные области, округа); б) что вычленился еще один аспект проблемы — моноязычные или полиязычные общности внутри национально-территориальных границ, иноязычные по отношению к государственному языку; в) что возникает проблема языка функционирования союзных органов (в т. ч. судебных и следственных), действующих на территории республик.

Говоря о соотношении понятий национального, государственного языков и языка межнационального общения, надо отметить, что и до вынесения в государственное законодательство Союза ССР и республик этих понятий в судопроизводстве действовал принцип национального языка, в соответствии с которым предварительное расследование и судебное разбирательство велось на национальном языке республики иной национально-территориальной единицы или большинства населения местности, а участники процесса в его ходе вступали в общение (правоотношения) на своем родном или другом языке, которым они владеют. С закреплением в законе понятий государственного языка и языка межнационального общения этот принцип приобрел дополнительную правовую основу, как неотъемлемая часть системы демократических принципов в уголовном процессе.

При этом правовое регулирование статуса языка межнационального общения, безусловно, создало выход из затруднительного положения для следователей, прокуроров, судей, которые при определенных экстремальных ситуациях направляются для временной работы в те или иные союзные респуб-

¹ В этом качестве в некоторых республиках он признан вторым государственным языком.

лики из других республик¹; как и для судебных органов, получающих поручения рассмотреть уголовные дела, предварительное производство по которым велось в другой республике.

Государственный язык и язык межнационального общения играют роль официальных языков, на которых закон (с приоритетом первого в республиканских органах предварительного расследования и суда) предусматривает ведение предварительного расследования и рассмотрения дел в судах. Вместе с тем понятие «национальный язык судопроизводства» охватывает и ситуации использования иного национального языка кроме государственного или межнационального общения в качестве языка судопроизводства (например, языка большинства местного населения)² и в качестве языка общения и защиты прав тех участников процесса, которые не владеют первыми двумя или же желают пользоваться иным языком, которым свободно (хорошо) владеют.

Язык межнационального общения в этих случаях применяется при невозможности или затруднительности использования государственного языка. При признании двух языков государственными они будут иметь равные возможности применения, равный статус и употребляться с учетом этнической структуры населения и распространения двуязычия.

В масштабе страны соотношение между государственными языками союзных республик и официальным языком межнационального общения (русский язык) в судопроизводстве имеет важную специфику. В высших звеньях правоохранительных

¹ Так, например, обстоит дело с расследованием и рассмотрением уголовных дел о преступлениях, связанных с массовыми беспорядками в Азербайджане, Армении, Узбекистане, Грузии и других республиках. Следствие по многим из этих дел велось на русском языке следователями, прибывшими из других регионов СССР, а затем большая часть дел была рассмотрена судами РСФСР. Все эти дела были расследованы и рассмотрены с участием переводчиков, чем и было обеспечено равноправие национальных языков. Таким образом, при четком определении соотношения государственного языка и языка межнационального общения и неуклонном соблюдении принципа равноправия национальных языков создаются реальные гарантии для выполнения задач правосудия, исключаются лазейки, ущемляющие права участников процесса, не владеющих языком судопроизводства.

² Теоретический и практический интерес представляет и выбор языка судопроизводства в местности с многоязычным населением в большинстве не принадлежащем к коренному населению республики, когда ни один из языков не является языком большинства. В этих случаях применим в качестве языка межнационального общения русский язык, либо национальный язык республики либо, наконец, иной язык, приемлемый для всего населения (см.: например, ст. 3 Закона о языках Украинской ССР. Правда Украины, 1989, 30 октября). Представляется, что в последнем случае выбор языка осуществляется Советом народных депутатов или путем голосования населения местности.

органов, расположенных в столице СССР, язык межнационального общения принимает на себя функции государственного со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями. Вместе с тем, участники судопроизводства по конкретным делам, как и нижестоящие звенья правоохранительных органов, вправе обращаться сюда на государственном языке республики и ином национальном языке судопроизводства, участвовать в производстве в этих органах на любом из этих средств общения, пользоваться помощью переводчика и получать документы в официальном переводе.

Все большее распространение единого для страны языка межнационального общения, расширение и улучшение его знания представителями всех народов СССР явилось исторической необходимостью, ибо взаимный обмен научными, нравственными, культурными ценностями, согласование политической, идеологической, социальной, экономической, правовой деятельности в многонациональной стране возможен только на базе межнационального общения. В диссертации подчеркивается, что двуязычие, в частности, намного облегчает разрешение ряда сложных проблем в области судопроизводства.

Вместе с тем диссертация предостерегает от попыток обхода принципа национального языка судопроизводства путем трактовки как двуязычия его суррогата — «полуязычия», слабого знания языка судопроизводства, не дающего лицу фактически полноценных языковых средств процессуального общения. Закон имеет в виду хорошее (свободное) владение языком — его словарным фондом, фонетикой, строем.

Русский язык как средство межнационального общения в стране выводит правоохранительные органы и на международную арену в отношениях, возникающих в сфере правовой помощи; он и облегчает использование зарубежного опыта по правовому регулированию и активизации правоприменительной деятельности в борьбе с преступностью. Кроме того, определенные перспективы в этом качестве имеют и государственные языки некоторых союзных республик в отношении правовой взаимопомощи с сопредельными странами (Азербайджана — с Турцией, Таджикистана с Афганистаном, Молдовы с Румынией и т. п.).

На современном этапе развития советской юридической науки назрела необходимость комплексно подойти к научной характеристике норм, определяющих национальный язык судопроизводства и правовые гарантии его реализации. Диссертант, придерживаясь позиции, уже сформулированной в науке (С. С. Алексеев, О. С. Иоффе, Д. А. Керимов, Б. А. Назаров,

В. С. Якушев), обосновывает целесообразность трактовки национального языка судопроизводства как **правового института**, регулирующего одноименный принцип уголовного процесса.

На наш взгляд, институт национального языка, как комплекс нормативных предписаний, образующих нераздельное единство, посвящен регулированию сквозной линии правоотношений в судопроизводстве. При этом институт национального языка мы относим к **основным общим** институтам. Это позволяет представить его базовую характеристику в качестве формы жизни, способа реализации принципа национального языка судопроизводства, как руководящей идеи, вместе с другими демократическими принципами уголовного процесса, образующими его фундамент.

Институт национального языка, охватывая все стадии уголовного процесса, носит самостоятельный характер. Он, со стадии возбуждения уголовного дела, выступает как обязанность органа, ведущего судопроизводство, осуществлять его на определенном языке. С момента появления в процессе необходимости общения между участниками судопроизводства на двух и более языках, а также осуществления письменного перевода данный институт реализует свою двойную природу, о которой говорилось выше. Эта реализация объективно обоснована и не может рассматриваться как предмет субъективных желаний или нежеланий должностных лиц и других участников судопроизводства; его нарушение влечет серьезные правовые последствия.

В ходе правовой и судебной реформы предвидится важным обеспечить полное соответствие формулировок, выражающих и закрепляющих рассматриваемые положения на государственно-правовом, процессуальном, судоустройственном уровне, ибо здесь наблюдаются определенные расхождения.

Некоторые процессуалисты рассматривают право выступать на родном языке в судопроизводстве (важнейший элемент института национального языка) не в качестве составной части реализации соответствующего демократического принципа судопроизводства, а в качестве политического права граждан. Такое противопоставление представляется некорректным, поскольку принцип национального языка, как и вся система принципов судопроизводства, выражает и закрепляет в этой специфической сфере основные (конституционные) права человека нашего общества, является правовой формой реализации политических прав.

На основе анализа общесоюзного и республиканского законодательства можно сделать вывод, что содержание понятия принципа национального языка не сводится только к

установлению гарантий прав и законных интересов граждан— участников процесса (хотя, как отмечалось, это важнейший его элемент). Автор выделил следующие составные элементы, характеризующие его: а) осуществление судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области, национального округа или большинства местного населения (либо на ином приемлемом для него языке)¹; б) обеспечение права делать заявления, давать показания, выступать на суде и заявлять ходатайства на родном языке или другом языке, которым лицо владеет; в) обеспечение для лиц, не владеющих языком судопроизводства, возможности полного ознакомления с материалами дела через переводчика²; г) вручение следственных и судебных документов обвиняемому в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет; д) реализация принципа гласности для судебной аудитории, заинтересованных лиц, населения данной местности.

Надо вместе с тем отметить и необходимость определенного совершенствования соответствующих формулировок закона. Так и для лиц, не владеющих языком судопроизводства, необходимо гарантировать не только ознакомление через переводчика с материалами дела (этот термин может быть истолкован в смысле письменных материалов), но и со всем ходом процессуальных действий, в которых лицо участвует. Без этого, в частности, право заявить ходатайство в значительной части повисает в воздухе. Желательно зафиксировать также право лица, владеющего несколькими языками, выступать на том, на котором он желает; предусмотреть «механизм»

¹ Надо обратить в этой связи внимание на интересную формулировку ст. 14 проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, подготовленную авторским коллективом Всесоюзного НИИ проблем укрепления законности и правопорядка: «суд вправе... принять решение о ведении судопроизводства на языке большинства участвующих в деле лиц» (см.: Социалистическая законность, 1990, № 3, с. 36). Вместе с тем желательно, чтобы в дальнейшей работе над проектом была бы прямо упомянута возможность ведения дела на языке межнационального общения (официальном языке СССР), а вопрос, предложение по которому мы цитировали, был бы предусмотрен и для предшествующих стадий судопроизводства.

² Не вполне точной представляется формулировка Закона Азербайджанской ССР о внесении изменений в УК и УПК республики («Бакинский рабочий», 1990, 30 июля): следственные и судебные документы вручаются лицам, участвующим в деле, на языке судопроизводства, а также по их требованию в переводе на язык, на котором они участвовали в судебных действиях или на государственном языке Азербайджанской ССР. Во-первых, государственный язык республики, это и есть, как правило, язык судопроизводства; во-вторых, речь должна идти не только о судебных но и о следственных действиях; в-третьих, во главу угла должно ставиться не «требование», а тот факт, что лицо не владеет языком судопроизводства.

оценки степени владения языком судопроизводства или иным языком в случае спора об этом; распространить гарантии получения документов в переводе и на потерпевшего, других участников процесса, если закон предусматривает направление (а не только непосредственное вручение их) в переводе. Заслуживает внимания и вопрос о специальной фиксации прав национально-культурных организаций этноса, существующего во внетерриториальных формах, к которому принадлежит лицо, не владеющее языком судопроизводства, участвовать в защите прав этого лица. Наконец, в самой характеристике языка, на который и с которого идет перевод, надо сделать упор не только на то, что он является родным для участника процесса (он тем не менее может им плохо владеть), но и на то, что речь идет о хорошем знании его.

Исходя из вышеизложенного, автор под принципом национального языка понимает закрепленное на конституционном уровне и в процессуальном законе общее руководящее положение, определяющее ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики, или автономной области, округа, или большинства местного населения либо на языке межнационального общения с точным определением круга случаев применения при обеспечении участникам процесса права получать и представлять процессуальную информацию, вести общение в процессе на языке, создающем условия лицам, не владеющим языком судопроизводства, для равноправного участия в нем.

Включенные нами в определение элементы, характеризующие принцип национального языка судопроизводства, тесно связаны между собой, их реализует одноименный процессуальный институт, включающий совокупность норм, регулирующих и гарантирующих осуществление данного принципа (во взаимодействии с другими) включая институт процессуального перевода¹, как и установление санкций процессуального и материально-правового характера за воспрепятствование или недобросовестное осуществление рассматриваемого принципа. Несоблюдение любого элемента, определяющего содержание рассматриваемого принципа, является, на наш взгляд, существенным нарушением правил судопроизводства

¹ Нормы, регулирующие процессуальный перевод, конечно, входят в институт национального языка судопроизводства. Но с учетом их специфики значимость объема их в свою очередь можно рассматривать как «автономный» (локальный) институт, в т. ч. если в суде выявлены нарушения, связанные с переводом, допущенные при дознании или предварительном следствии. Автор подчеркивает политическую и правовую необходимость покончить с примиренческим отношением судебной практики (в т. ч. кассационной) к этим нарушениям.

(ведь речь идет об одном из его принципов!) и должно повлечь за собой отмену решений, принятых по делу, а равно дисциплинарные, материальные или иные санкции в отношении виновных должностных лиц.

В советском уголовном процессе закон не только закрепляет принцип национального языка судопроизводства, но, как уже подчеркивалось в диссертации, и **гарантирует его осуществление**. Среди правовых гарантий данного принципа автор различает **общие** и **специальные** гарантии и подробно их освещает в т. ч. в аспекте процессуальных обязанностей органов судопроизводства и контроля (надзора) за их исполнением¹.

Во второй главе — **Понятия, формы и виды перевода, его роль в реализации принципа национального языка судопроизводства** — отмечается, что реализация принципа национального языка в большинстве случаев предполагает необходимость организации перевода в судопроизводстве. В связи с этим диссертант подробно рассматривает такие вопросы, как: перевод и его применение в уголовном процессе; требования полноты и точности, предъявляемые к переводу и средствам их обеспечения; особенности перевода в уголовном процессе и др.

Следует заметить, что употребляемый ранее термин «точность» был взят теоретиками перевода под сомнение и заменен словом «адекватность», а в дальнейшем обобщающим термином — «полноценность». Рассматривая проблему полноценности перевода, специалисты прежде всего сравнивают буквальный перевод с вольным (смысловым). Если первый из них не учитывает принципиальные расхождения между языками на различных уровнях и, таким образом, нарушает нормы языка, на который переводят, то второй основывается на учете расхождения языков, но при этом в меньшей степени учитывает их сходство, встречающиеся совпадения, что также приводит к существенным отклонениям от оригинала. Сказанное предполагает комбинацию подходов.

Представляется, что для установления полноценности перевода в уголовном процессе следовало бы иметь в виду: а) цель перевода; б) особенности переводимого текста;

¹ Гарантийный аспект института национального языка судопроизводства рассматривается автором как интерпретация общих гарантий прав человека. Эта мысль четко выражена, например, в статье 5 Закона о языках в Украинской ССР, которая предусматривает, что: «Гражданам Украинской ССР гарантируется право пользоваться своим национальным языком или любым другим языком». Аналогичные положения имеются и в законодательствах других республик.

в) правдивость и объективность перевода. Совокупность этих признаков и позволит наметить тот предел точности, который требуется.

Перевод, исходя из особенностей оригинала и обстановки, где он осуществляется, а также задач, поставленных перед ним, имеет различные **формы** — устную и письменную. Устный перевод осуществляется в синхронном или последовательном вариантах, каждый из которых является двусторонним действием. В уголовном процессе двусторонний перевод широко используется, причем в большинстве случаев в последовательном варианте.

Взяв за основу труды специалистов, автор делает вывод о недопустимости оставлять без перевода какие-либо части информации (устной или письменной), ибо нарушается ее логичность и целостность.

Следует отметить, что условия для выполнения перевода в уголовном процессе специфичны, резко отличаются от пользования им в других сферах деятельности. Причем в специальной литературе освещается в основном то, что относится к положению переводчика; вопросы же самого процесса перевода документов, устной речи, подготовки переводчиков и организации их работы практически отражения не нашли.

Особенности перевода в уголовном процессе связаны, в частности, с тем, что приходится переводить не только тексты, относящиеся к различным отраслям знаний, но прежде всего — устную информацию, включая спор, обмен репликами. Перевод протекает в официальной, часто в психологически напряженной обстановке, из-за присутствия и вмешательства участвующих и заинтересованных в исходе дела лиц. Переводчик строго ограничен во времени; ему приходится работать с людьми, перенесшими тяжелые физические или душевные травмы, находящимися в сложном психологическом состоянии. Иногда местом работы являются лечебные учреждения, места совершения преступлений, морг и т. д. Нередко переводчику приходится испытывать давление. От него всегда, при любых обстоятельствах требуется быстрая реакция и постоянное переключение мышления с одного языка на другой. Наконец, он испытывает психологическое напряжение в связи с разъясненными ему последствиями заведомо неправильного перевода, причем в обыденном сознании это понятие отождествляется с любой ошибкой в переводе. Отсюда в диссертации ставится проблема **подготовки** переводчика к исполнению процессуальных обязанностей.

Автор выделил комплекс признаков, отличающих условия осуществления переводов в судопроизводстве и сформулиро-

вал критерии, предоставляющие возможность определить их качество.

В диссертации анализируется состояние применения технических средств, используемых при переводе, и тенденции их развития, подчеркивается целесообразность постепенного введения по мере насыщения органов следствия и суда соответствующей техникой, полной звукозаписи перевода.

В связи с проблемой машинного перевода автор соглашается с высказыванием Франклина Фолсома, что попытка создать специальные машины для осуществления перевода пока еще остается благим намерением, так как существующие на сегодняшний день устройства переводят лишь небольшие заметки, отдельные тексты, причем действуют они неустойчиво и к тому же медленно.

Бесма существовавно, что машина сама по себе не может понять тонкости речи — нестандартный строй, иронию, интонационную фиксацию, образность и т. п. — а научить ее этому пока мы не можем. Более того, машина не может мгновенно реагировать на ситуацию, когда при допросе участник процесса говорит на двух и более языках попеременно или использует в своей речи арго (жаргон). В судопроизводстве же переводчику в один и тот же день приходится осуществлять как устный, так и письменный перевод, машинный же перевод, как правило, является письменным и рассчитан на стационар. Таким образом применение самостоятельного машинного перевода в судопроизводстве в ближайшее десятилетие, не предвидется.

Применение машинного перевода сейчас возможно лишь при условии включения **человека** в процесс перевода, в котором техника выполняет подсобную роль в работе с отдельными фрагментами текста.

Характеризуя процессуальный институт перевода, диссертант выделяет ряд проблемных ситуаций, требующих по его мнению более четкого правового регулирования и методического обеспечения. Одна из них — неполнота «привязки» переводимого устного текста при последовательном переводе (а в значительной степени и при синхронном, который идет с определенным отставанием от переводимой речи, пока не станет ясной конструкция фразы или ее части) с жестикуляцией, мимикой, интонационными подчеркиваниями лица, речь которого переводится. Иными словами, в отличие от устной речи на языке судопроизводства здесь восприятие следователя, суда, участников судопроизводства, судебной аудитории разорвано со всеми вытекающими последствиями для оценки сказанного. Представляются малопримлемыми попытки не-

которых переводчиков по ходу перевода его комментировать («допрашиваемый иронизирует», «замаялся», «выражает при этих словах смущение» и т. п.). Более перспективны ответы переводчика после окончания перевода на вопросы типа: «давая показания, допрашиваемый в определенном месте жестами выразил отрицание» (или «повысил голос» и т. п.), какие слова сопровождались этими действиями? На более отдаленную перспективу возможно прогнозировать видеофильмирование соответствующих действий с последующей полной синхронизацией (наложением) перевода на подлинную устную речь.

Автор счел необходимым остановиться также на проблемах введения права сторон приглашать в соответствии с принципом состязательности «своих» переводчиков с вспомогательными (например, при ознакомлении с делом до судебного заседания) и контрольными функциями; на разграничении института процессуального перевода и перевода актов высших судебных, прокурорских, других правоохранительных органов, имеющих руководящее значение для органов предварительного расследования и суда¹; на использовании специальных познаний и технических средств контроля качества перевода.

Наконец, оказалась значимой проблема специфики перевода речи глухонемых и перевода для них. Исходным при анализе данной проблемы является тот факт, что глухонемые обучаются (и владеют) **несколькими** видами речи²: словесной, дактильной и жестовой³. Это обязывает должностных лиц ор-

¹ По аналогии с решением этой проблемы законодателем в отношении текстов союзных законов, направленных органам власти республик (и соответственно текстов республиканских законов, направленных в автономии и т. д.), что в этих случаях должен осуществляться официальный перевод в органе, издавшем акт, который имеет руководящее значение. Иначе разноречивой почтой неизбежен.

² Существует специальная система обучения и воспитания аномальных детей, к которым относятся и глухонемые, она по своей структуре является строго дифференцированной. У нас имеется 8 основных типов специальных школ-интернатов с 10 типами обучения. См.: Концепция специального обучения и воспитания детей с нарушениями умственного и физического развития // Дефектология, 1989, № 2, с. 4.

³ Мы не останавливаемся на переводе показаний слепого, так как он может выразить свои мысли обычным языком и здесь будут применяться общие правила перевода, если последний не владеет языком судопроизводства. При желании он может с помощью дактильного алфавита изложить свои показания письменно, а затем оно также будет переведено на язык судопроизводства.

Более сложным по своей системе является перевод показаний слепоглухонемых, так как их общение с окружающей средой представляет собой не только весьма сложный механизм, но и требует немалых человеческих усилий. Данный перевод под силу только педагогам-специалистам, занимающимся их обучением. В случае надобности переводчиков следует приглашать из их числа.

ганов суда и следствия выяснить на каком из них глухонемой участник процесса будет давать показания, выступать и т. п., о чем сделать соответствующую запись в протоколе. Соответственно и переводчик, приглашенный для глухонемых, обязан владеть всеми тремя видами речи, так как последние в ходе общения часто переключаются с одного языка на другой или же пользуются смешанным (жестовым-словесным) языком. К тому же жестовый язык глухонемых не является единым, общепонятным для них мировым языком¹. В каждой стране имеется свой национальный алфавит (в СССР — каждая союзная республика имеет такой алфавит). В рекомендациях, разработанных педагогической комиссией Всемирной федерации глухих (ВФГ) содержится интересное утверждение, что «глухие, как правило, владеют двумя языками — жестовым языком и государственным языком своей страны (в письменной или устной форме). Комиссия ВФГ определяет это явление как билингвизм (двуязычие), причем жестовый язык должен рассматриваться как первый, а язык государственный — как второй»². Глухонемые меняют свой коммуникативный код в зависимости от того, с кем общаются. Лишь специалист в процессе общения с глухонемым может определить, на каком языке (жестовом, смысловом или смешанном) и с какой скоростью осуществить перевод. Естественно, что он же затем может непосредственно выполнять функции переводчика. Переводчик должен владеть национальным языком глухонемого или тем языком, на котором последний хорошо изъясняется. Все это требуется учитывать при подборе кандидатуры специалиста—переводчика. Традиционная формулировка в отношении лица, «понимающего язык» глухонемого здесь явно недостаточна: необходимо детальное правовое регулирование этих случаев.

В главе третьей — **Переводчик как участник судопроизводства** — исследуется понятие переводчика и его процессуальное положение в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что процессуальное понятие переводчика (в отличие от перевода) достаточно часто подвергалось исследованию в литературе, подход к этой проблеме как к части проблемы национального языка судопроизводства открывает здесь дополнительные возможности³.

¹ Об этом см.: Манышев М. Н. Обучение и воспитание в специальных школах. Против прожектерства в сурдопедагогике//Дефектология, 1989, № 2, с. 28—32.

² См.: Соколянский И. А. Обучение слепоглухонемых детей//Дефектология, 1989, № 2, с. 78.

³ Процессуальный статус переводчика определен в Общей части процессуального законодательства. Это определяет и место данной главы в структуре диссертации.

Надо отметить, что определение понятия переводчика в УПК союзных республик несколько различается. Вместе с тем сопоставительный анализ позволяет выделить следующие обобщенные признаки процессуального статуса переводчика:

1) владение языками, с которых и на которые идет перевод (имеется в виду хорошее, свободное знание их); 2) незаинтересованность в исходе дела; 3) назначение лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судьей или судом; 4) вступление в дело, в случае, если кто-либо из участников не владеет языком судопроизводства¹; 5) компетентность; 6) несовместимость функции перевода с другими функциями в судопроизводстве.

Отмечается также необходимость достижения переводчиком определенного возраста, а при его участии в производстве по делам о половых преступлениях, также случай, когда существенным может быть принадлежность лица к определенному полу. Предпринята попытка показать, что требование возрастного ценза можно вывести из общих положений о дееспособности. Решение же вопроса о поле переводчика, если это имеет значение для дела, может основываться на соображениях, аналогичных тем, в силу которых предусмотрено участие в некоторых следственных действиях лиц определенного пола.

Лицо, специалист становится переводчиком после того, как соответствующее должностное лицо **назначит его переводчиком по делу**. Это обстоятельство оговорено в уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик, но каким процессуальным документом оформляется его назначение в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования не сказано. Диссертант, как и некоторые другие авторы (С. В. Бородин, Н. Я. Калашникова, Г. П. Саркисянц, В. Т. Томин и др.) полагает, что назначение переводчика должно осуществляться путем вынесения постановления (определения).

С учетом изложенного переводчик определяется нами как **лицо, достигшее совершеннолетия, владеющее языками (включая специальную терминологию), знание которых необходимо для полного, точного выполнения им в рамках следственных и судебных действий перевода; не выполняющее функции дру-**

¹ В принципе возможно использование помощи переводчика и в случаях, когда языком судопроизводства не владеет значительная часть судебной аудитории. Но эти случаи, реализующие принцип гласности, требуют законодательного регулирования.

гих участников процесса¹ и не состоящее с ними в родственных связях; незаинтересованное в исходе дела, принявшее на себя функции перевода и назначенное органом дознания, следователем, прокурором, судьей или судом в случаях, предусмотренных в законе.

На основе анализа общесоюзного и республиканского уголовно-процессуального законодательства автор оспаривает мнение, высказанное в литературе, что переводчик не является участником процесса. Обосновывается противоположный вывод, что он — полноправный участник судопроизводства в прямом смысле, в каком понятие используется законом и процессуальной теорией. Ведь по точному указанию закона к участникам процесса относятся не только лица, защищающие в судопроизводстве свои права и интересы, но и эксперт, переводчик (ст. 18 Основ). При этом, как правильно отмечают и другие исследователи невозможно разделить участников судопроизводства на субъектов процессуальной деятельности и субъектов правоотношений, так как они одновременно являются и теми и другими.

Значительное внимание автор уделяет проблемам подготовки переводчика к исполнению им своих функций в судопроизводстве. В процессуальной литературе этот вопрос, как в целом, так и о психологической подготовке переводчика к участию в процессе, в частности, исследованы слабо. Между тем, следует признать, что от правильного решения этих проблем в решающей степени зависит реализация принципа национального языка судопроизводства на предварительном следствии и в суде. Нельзя сбрасывать со счетов, в частности, вероятность психического воздействия на переводчика наблюдаемых им переживаний обвиняемого, потерпевшего и т. д., а тем более целенаправленных попыток этих лиц или их близких вызвать его сочувствие, о чем же упоминалось, как и о других источниках психологической напряженности, могущих отразиться на объективности его процессуальных действий. В диссертацию внесены некоторые рекомендации по данному вопросу, связанные с совершенствованием самой организации подбора и назначения переводчиков.

Не менее важной является и проблема осуществления контроля за деятельностью переводчика, его добросовестностью и

¹ Может возникнуть вопрос о совмещении функций секретаря судебного заседания и переводчика, как это предусмотрено УПК некоторых зарубежных стран. Но такое совмещение, как полагаем, будет негативно влиять на полноту протокола судебного заседания (исключая случаи, когда ведется полная звукозапись).

объективными результатами его действий. Представляется, тем не менее, что, несмотря на имеющиеся трудности, существуют реальные возможности, (в т. ч. связанные с применением различных технических средств) контроля за этой работой, о которых говорится в диссертации. С контролем за деятельностью переводчика связан и вопрос о его отводе и замене и их последствиях.

Отвод переводчика нельзя смешивать с заменой. В уголовно-процессуальном законе не предусмотрен порядок замены переводчика и вытекающих из нее последствий. Этот вопрос не освещен и в литературе. В диссертации рассматриваются случаи, при которых переводчик выбывает из судопроизводства в порядке отвода и замены, случаи конкуренции этих процедур.

Одно из отличий отвода от замены состоит в том, что в первом случае переводчик лишается вознаграждения, а при замене должен получить вознаграждение за фактически выполненную им работу, если ее результаты не опорочены. В случае отвода органы предварительного расследования и суд обязаны повторить следственные действия, проведенные с участием переводчика, некомпетентность или необъективность которого выяснилась в ходе предварительного расследования или во время судебного разбирательства. При замене, как правило, повторение ранее проведенных следственных действий не требуется, а производство по делу продолжается с участием нового переводчика.

Специфика профессии переводчика в судопроизводстве, требует наличия и настойчивого совершенствования комплекса соответствующих знаний, умений и навыков. Необходимость гарантировать подбор для следствия и суда кандидатур компетентных (квалифицированных) переводчиков с учетом характера дела делает целесообразным создание бюро переводов и на их основе проведение специальной, правовой, психологической подготовки и переподготовки переводчиков.

Организация подготовки кадров переводчиков для правоохранительных органов является одной из серьезных задач, требующих безотлагательного разрешения (в т. ч. с учетом тенденции придания статуса государственного языкам коренных национальностей союзных республик, и расширения сферы применения языков, родных для других этнических групп, компактно проживающих на определенной территории). Представляется, (а за это высказалось и 60 процентов опрошенных научных и практических работников), что лучший вариант решения — создать для органов предварительного расследования и суда на основе хозрасчета бюро переводчиков в столицах

союзных республик при Министерстве юстиции (для РСФСР, УССР, Казахстана и некоторых других республик с филиалами в отдаленных или труднодоступных местностях). Такое решение соответствовало бы статусу и компетенции органов юстиции, которые призваны организационно и методически обеспечивать судопроизводство, не вторгаясь в сам процесс отправления правосудия. Напомним в этой связи, что предлагаемым образом уже организована система судебных экспертиз.

Анализ практики показывает наличие ряда проблемных ситуаций, связанных со сложными случаями определения и проверки компетентности переводчика. Речь идет, в частности, о переводе информации, связанной с узкими отраслями знания, имеющими свою терминологию и профессиональный жаргон; переводе диалектной речи; переводе на язык и с языка малочисленных народов при наличии близкого сходства его с каким-либо из «больших» языков, но и существенной специфики¹; переводе письменных текстов, написанных на языке судопроизводства или ином языке, который использует участник процесса, но и использованием алфавита, ныне не применяемого². Представляется, что во всех таких случаях орган судопроизводства, либо стороны, либо, наконец, само лицо, вызванное в качестве переводчика должны исходить из **специальной компетенции**, которой должен обладать переводчик. Ее проверка возможна в ходе беседы с переводчиком при экспериментальном переводе, или, наконец, аттестацией на комиссии из ведущих специалистов данного профиля³. Полагаем, что и эти вопросы требуют правового регулирования и методического обеспечения.

Четвертая глава посвящена — **содержанию и реализации института национального языка в отдельных стадиях уголовного судопроизводства**. Проследивание по мере развития про-

¹ Например, язык удингов — небольшой народности, проживающей в Азербайджане, о которой упоминал еще Геродот, принадлежит к группе иранских языков, но в нем сохранились древнеиранские формы.

² Так, в Азербайджане письменность имела вначале арабский алфавит, затем (в 20-е годы) была переведена на латинский алфавит, а в конце 30-х годов — на русскую графическую базу. При этом надо еще иметь в виду, что из 28 букв арабского алфавита самостоятельное значение имеют только 16, а остальные различаются только диакритическими знаками и кроме того почти все могут изображаться по-разному в зависимости от места в слове. А для письменности на основе латинского языка вводилась приспособительная транскрипция некоторых знаков.

³ Думается, что аттестация как способ оценки знаний, навыков, умения переводчиков вообще необходима при их подготовке к процессуальной деятельности. Но сейчас речь идет о дополнительной аттестации по специальным вопросам.

изводства по делу особенностей применения этого института, принципа национального языка судопроизводства, на котором он основан, позволяет детализировать ряд концептуальных суждений предыдущих глав.

Необходимость применения норм о языке производства по делу возникает начиная со стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем сообщения о совершенном или готовящемся преступлении могут быть изложены и не на языке судопроизводства.

О результатах рассмотрения своего сообщения, заявитель, как правило, должен быть уведомлен на том языке, которым он пользовался¹. Это обстоятельство обязывает соответствующих должностных лиц органов предварительного расследования и суд пригласить переводчика.

В процессуальной литературе встречаются различные точки зрения на участие переводчика в стадии возбуждения уголовного дела. Мы согласны с Н. А. Абдуллаевым, В. П. Божьевым, А. Д. Бейковым, А. Н. Карнеевой, В. П. Кашеповым, Г. М. Миньковским, А. И. Михайловым, В. А. Стрёмовским, А. А. Чувилевым и другими авторами, которые, характеризуя соотношение стадий предварительного расследования и возбуждения уголовного дела, обоснованно отмечают, что их разграничение не должно носить характер противопоставления.

Стадия возбуждения уголовного дела — процессуальная, переводчик должен быть приглашен при наличии оснований уже в этой стадии судопроизводства и именно в своем процессуальном качестве.

В стадии предварительного расследования обеспечение того или иного участника процесса переводчиком — непосредственная обязанность лица, производящего дознание, и следователя. Они не имеют права по собственному усмотрению осуществлять без переводчика отдельные следственные действия, если в них участвуют лица, не владеющие свободно языком судопроизводства.

На основе анализа следственного и судебного опыта правоохранительных органов ряда союзных республик в диссертации рассмотрены и классифицированы наиболее распространенные виды процессуальных нарушений, связанные с национальным языком судопроизводства, которые допускаются в стадиях дознания и предварительного следствия, предлага-

¹ В этой связи недостатком закона о языках Украинской ССР представляется то, что в нем предусмотрено использование в переписке органов прокуратуры внутри республики только украинского языка. Это положение с очевидностью противоречит нормам этого же закона о праве гражданина обращаться в официальные органы на языке, которым он владеет.

ется их оценка как существенных и вносятся предложения о конкретных путях преодоления нынешней во многом нигилистической позиции практики в этом отношении, основанной на игнорировании политических последствий допускаемых нарушений, их влияния на позицию населения относительно правоохранительных органов.

Исследование показало, что нередко случаи, когда предварительное расследование по одному и тому же делу ведется на двух языках¹. Более того, иногда различные процессуальные действия с участием одних и тех же обвиняемых ведутся то на одном, то на другом языке. Подобная практика оценивается автором как существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства.

Протоколы следственных действий, проведенных с участием переводчика, обязательно должны содержать сведения о данном специалисте, без которых отметка о разъяснении ему прав и обязанностей, предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложный перевод и т. д. обесмысливается. Между тем из 300 изученных уголовных дел, производство по которым велось с участием переводчиков за период 1985—1990 гг., сведения об их образовании и профессии не имелись по 210 уголовным делам (70%); отсутствовала запись о предупреждении об ответственности за заведомо ложный перевод по 15 делам (5%); не указаны фамилии переводчиков или не было их подписи на протоколах по 14 делам (5%) и т. д.

Во время ознакомления с материалами дела (и ранее с момента допуска на дело) защитник имеет право на свидание с обвиняемым наедине. Применительно к теме исследования здесь возникают, в частности, вопросы, связанные с организацией перевода бесед адвоката с подзащитным: а) кто должен пригласить переводчика?; б) допустим ли допрос переводчика в качестве свидетеля по обстоятельствам дела, ставшим ему при этом известным?; в) следует ли в данном случае приглашать того же переводчика, который уже принимает участие в деле?

Представляется оптимальным, если для осуществления пе-

¹ Например, из 377 уголовных дел, изученных в архивах народных судов городов Ленкорани, Сумганта, Гянджи, Баку Азербайджанской ССР, более 60% расследовались на двух языках. Типичная здесь ситуация, когда свидетели азербайджанцы допрошены на азербайджанском языке, и на этом языке оформлены протоколы допроса; свидетели же русские, украинцы, грузины, армяне, лица других национальностей допрошены на русском языке без переводчика и протоколы допроса составлены на нем же. При этом факт владения русским языком как бы презюмируется: в большинстве случаев в протоколе не зафиксировано волеизъявление допрашиваемых, на каком языке они могут и желают давать показания.

ревода беседы при встрече защитника со своим подзащитным наедине, переводчик будет специально приглашен юридической консультацией, в которой работает адвокат. В этом случае гарантировалась бы охрана как профессиональной тайны защитника, так и права обвиняемого на защиту.

В диссертации, однако, отмечается определенная пассивность адвокатов при постановке и решении рассматриваемых вопросов, как и вообще при защите прав участника процесса представлять и получать информацию на родном языке. Изученные данные свидетельствуют о нарушениях ст. 11 Основ, допущенных по многим делам, которые остались незамеченными защитниками. Из выявленных автором 270 случаев отсутствия или неполного участия переводчика, только по 2 делам (менее 1%) адвокаты в своих ходатайствах и жалобах указали на грубое нарушение принципа национального языка.

В соответствии с законом обвинительное заключение должно быть составлено на языке судопроизводства. Однако выборка 70-ти уголовных дел, расследованных на азербайджанском языке, показала, что обвинительное заключение было составлено по 36 делам (50%) на русском. Иными словами, обвиняемые, которые на протяжении всего предварительного расследования давали показания на родном языке, являвшемся одновременно и языком судопроизводства, копию обвинительного заключения получили на русском. Это нарушение ни по одному из изученных дел не было устранено или хотя бы стало предметом частного определения.

Одной из решающих гарантий строгого соблюдения принципа национального языка является надзор прокурора за исполнением законов в предварительном расследовании, начиная со стадии возбуждения уголовного дела. Наряду с другими вопросами, прокурор должен проверять, соблюдены ли со стороны органов предварительного расследования требования ст. 11 Основ (ст. 16 УПК Азербайджанской ССР; ст. 17 УПК РСФСР) по делу, поступившему с обвинительным заключением. Не убедившись, что в предварительном расследовании соблюдены названные нормы, он не вправе утверждать обвинительное заключение и направлять дело в суд (ст. 236 УПК Азербайджанской ССР; ст. 217 УПК РСФСР). Представляется, что нарушение прокурором этого требования должно оцениваться как халатность по службе со всеми вытекающими последствиями в части дисциплинарной ответственности.

Принцип национального языка действует во всех стадиях уголовного процесса одинаково. В применении языка судопроизводства по конкретному делу на территории одной и той же республики не должно быть расхождения между стадиями

уголовного процесса. В частности, предание обвиняемого суду должно состояться на языке судопроизводства для данной местности¹.

Судья (или суд в распорядительном заседании) обязан решить вопрос о приглашении переводчика для тех участников процесса, которые не владеют языком судопроизводства. Анализ практики органов суда гор. Баку за 1985—1990 годы показал, что каждое четвертое уголовное дело, расследованное с участием переводчика откладывалось из-за отсутствия в судебном заседании этого лица. Половина из них по этой причине откладывалась дважды, а каждое десятое — даже трижды. Как правило, неявка была связана с тем, что в стадии предания суду не решался вопрос о вызове переводчика.

Судебное разбирательство — важнейшая стадия уголовного процесса, в ходе которой решается вопрос о виновности или невиновности лиц, преданных суду, о характере и степени ответственности и вины, и о применении или неприменении к виновным мер уголовного наказания — создает и ряд новых проблемных ситуаций реализации принципа национального языка, включая гарантии прав и законных интересов участников судопроизводства.

Так, распространены случаи, когда подсудимый, отказавшись от переводчика на предварительном следствии, в суде ходатайствует о его приглашении. В этих случаях во время подготовительной части суд должен выяснить, по своей ли воле он отказался в ходе расследования от переводчика или соответствующие должностные лица оказали давление на него (например, в форме «разъяснений» о затяжке следствия и пребывания под стражей). Если давление имело место, то дело в обязательном порядке подлежит направлению на исследование.

Обязательным в подготовительной части судебного заседания является и выяснение, на **каком языке** вручена копия обвинительного заключения подсудимому. Типичная ошибка состоит здесь в том, что обращается внимание только на срок вручения его копии, хотя лицо, не знающее языка, на котором изложен названный документ, не могло ознакомиться с ним даже получив своевременно.

В УПК Азербайджанской ССР, как и в других республиках специально не регулируются последствия неявки в судебное заседание переводчика, что представляется пробелом закона.

¹ По изученным автором уголовным делам предание суду, а затем судебное разбирательство происходило по 18% дел на русском языке, в то время, как предварительное расследование велось на азербайджанском; обратная ситуация имела место еще по 13% дел.

Целесообразно предусмотреть в таких случаях необходимость отложить рассмотрение дела и принять меры к обеспечению явки переводчика.

Автор выступает против сложившейся практики осуществления выборочного перевода содержания отдельных процессуальных действий в суде. Показания, содержание оглашаемых в суде документов и выступления участников процесса должны быть полностью переведены на язык, используемый в процессе, подсудимым, другими участниками процесса, не владеющими языком судопроизводства. Если участники судебных прений (в т. ч. потерпевший, защитник и т. д.) выступают не на языке судопроизводства по данному делу обязательен полный перевод последнего слова подсудимого на языке, не являющемся языком судопроизводства.

Приговор должен быть составлен на национальном языке судопроизводства. В работе подчеркивается, что речь идет о коллегиальном составлении, в котором участвует весь состав суда. В этой связи рассматриваются и некоторые проблемные ситуации, связанные с использованием национального языка судопроизводства в совещательной комнате, если в состав суда входят лица разных национальностей, с моментом и формой перевода приговора подсудимому, другим участникам процесса, не владеющим языком судопроизводства.

Принцип национального языка судопроизводства находит свою реализацию и при производстве в кассационной инстанции, исполнении приговора, производстве в надзорной инстанции и возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В диссертации исследуются проблемные ситуации, возникающие в этой связи в названных стадиях.

Отмечается, в частности, что ссылки на трудности обеспечить устный или письменный перевод как на основание передачи дела в другой кассационный суд, а не в тот, который обслуживает данную территорию, по общему правилу не могут признаваться обоснованными, вопреки практике, которая начала складываться по делам о преступлениях, связанных с массовыми беспорядками в некоторых регионах.

Применительно к исполнению приговора, связанного с исправительно-трудовым воздействием, которое возложено на колонии и другие учреждения МВД СССР, отмечается, что приглашение переводчика в судебное заседание, рассматривающее эти вопросы, не может возлагаться на указанные учреждения, даже в случаях его проведения по месту расположения ИТУ. Недопустимо и назначение переводчика из числа лиц, отбывающих меру наказания в исправительно-трудовом учреждении, где должно состояться судебное заседание.

Верховные суды союзных республик, имеющих в своем составе автономные республики, автономные области и округа, часто принимают к производству дела, расследованные и рассмотренные на языке, установленном законом для соответствующих территорий. Вместе с тем, в законодательстве не решены вопросы языка судопроизводства ни для этих случаев, ни вообще для рассмотрения дел в надзорном порядке (также как и при рассмотрении по первой инстанции и в кассационном порядке) Верховными судами союзных, автономных республик и областными судами автономных областей, когда производство в предыдущих стадиях шло на другом языке. По мнению диссертанта в этих случаях надо исходить из общих требований Закона «О языках народов СССР» и соответствующих законов союзных и автономных республик. Наряду с реализацией рассматриваемого принципа в кассационной и надзорной инстанциях, обязательной проверке подлежит его соблюдение в предыдущих стадиях, как в аспекте надлежащего языка судопроизводства, так и в аспекте прав лиц, принимавших участие в деле.

Отмечается, что в УПК пяти союзных республик в т. ч. Азербайджана, заведомо ложный перевод прямо назван как одно из оснований для возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Но и в других республиках наличие этого основания вытекает из формулировок закона более общего характера. В то же время ни в одном УПК факт ложного перевода не выделен в качестве самостоятельного основания отмены приговора в порядке надзора. Данное обстоятельство характеризуется в диссертации как существенный пробел в законодательстве и в связи с этим предлагается проект соответствующих дополнений в УПК.

Пятая глава — **Язык уголовного судопроизводства в некоторых зарубежных странах** — содержит материал о досудебных и судебных стадиях в ряде стран Восточной Европы и Азии, а также в некоторых наиболее развитых капиталистических государствах. При этом автор стремился к показу решений, представляющих интерес с позиций ценностей правовой культуры и опыта, который может быть использованным у нас.

Анализ правотворчества отдельных стран Восточной Европы и Азии, других регионов мира позволяет сделать вывод о значительном внимании законодателей этих государств к содержанию норм, закрепляющих принцип национального языка в обоих его аспектах и регулирующих положение переводчика в судопроизводстве. Нарушение этого принципа признается в рассматриваемых странах одним из оснований для отмены приговора суда (см. п. «б» ст. 232 — УПК НРБ, § 258 — Че-

хословакии, ст. 374 — МНР, п. 1, ст. 333 — СФРЮ, ст. 252 — КНДР и т. д.).

В юридической литературе ряда стран специально отмечается, что поскольку переводчик является самостоятельным участником процесса, его функции не могут выполнять другие субъекты судопроизводства. В законодательстве названных стран особое внимание обращается на **подбор переводчиков**. Так, по УПК Польши лицо не может выступать в качестве переводчика: а) если оно вызвано в качестве свидетеля; б) если дело касается непосредственно его самого; в) если оно является супругом или законным представителем одной из сторон; г) если оно является родственником подсудимого или находится с ним в близких отношениях; д) если оно принимало участие в деле в качестве прокурора, защитника, общественного обвинителя, общественного защитника. Сходная позиция зафиксирована в УПК СФРЮ и других государств.

Законодательство большинства стран детализирует наказание, его вид и размер за заведомо ложный перевод в зависимости от характера деяния, о котором идет производство и результата воздействия ложного перевода на решения по делу. Представляется, что такой подход имеет определенный интерес и для советского законодателя. В отдельных странах, например, в Венгрии на переводчика распространяются меры против преждевременного разглашения данных предварительного расследования; в законодательстве же Болгарии, как и некоторых других стран, рассматриваемое деяние выделено в самостоятельный состав.

Изучение регулирования в уголовном процессе некоторых наиболее развитых капиталистических стран языка судопроизводства и положения переводчика показывает, тщательность (впрочем, нередко переходящую в казуистику) отработка ряда вопросов статуса участников процесса, способов защиты ими своих интересов. И вместе с тем в диссертации отмечаются, существенные пробелы регулирования. Заметен в ряде случаев и разрыв между провозглашенными в законе принципами и линией практики.

Отмечается, в частности, что определенные проблемные ситуации создает здесь приток мигрантов из стран третьего мира, которые все более часто выступают в качестве обвиняемых, свидетелей, потерпевших. В данной связи актуализировались и вопросы организации переводческого дела. В этом отношении автор считает удачным опыт Канады и Австрии, на котором специально останавливается. Что касается норм, непосредственно регулирующих язык судопроизводства, то они рассматриваются на примере УПК Франции. В нем отсутствует

общая формулировка принципа национального языка судопроизводства и соответствующих ему прав и гарантий участников процесса. В норме, регулирующей допрос в стадии дознания, как и в норме, регулирующей протоколирование, об участии переводчика не упоминается. Оно появляется при регламентации правомочий следственного судьи: в ст. ст. 102 и 106 устанавливается, что он «...может обратиться к помощи переводчика в возрасте не моложе 21 года», причем в этом качестве не могут выступать секретарь или свидетели». Переводчик присягает, что будет добросовестно переводить показания и подписывает протокол допроса.

Во французском судопроизводстве переводчик назначается в тех случаях, когда обвиняемый или свидетель «плохо говорит по-французски» (другие участники процесса в этой связи не упомянуты), или является глухонемым и при этом не умеет писать, или, если требует перевода документов, поступивших в суд (ст. 345). Переводчику может быть заявлен отвод. Судьи, присяжные, секретарь, стороны, свидетели не могут одновременно выполнять функции переводчика.

О переводе текста приговора и других решений в законе не упоминается. Нет упоминания и о возможности вести производство на другом языке, кроме французского, хотя в некоторых местностях имеются компактные поселения иммигрантов.

В работе впервые делается попытка анализа вопросов регулирования языка судопроизводства и участия переводчика в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран зарубежного Востока. В последние десятилетия в мусульманских странах наметилась тенденция к повышению роли коранического обычного права (и соответственно арабоязычной терминологии) во всех сферах жизни их народов. Отметив необходимость исследования этой тенденции под углом зрения влияния на судопроизводство и права его участников, автор счел целесообразным затем подробно рассмотреть языковые проблемы уголовного процесса сопредельной Турции. Хотя большинство населения этой страны составляют турки, в ней имеются и крупные национальные меньшинства. Анализ под этим углом зрения развития и современного уголовно-процессуального законодательства, практики органов предварительного расследования и суда Турецкой Республики позволяют отметить некоторые стороны организации переводческого дела, представляющие интерес.

Так, участие переводчика находит свое отражение в турецкой судебной статистике, которая содержит сведения: а) об осуществленных переводах в судах отдельных городов (мест-

ностей; б) об основаниях вызова переводчика (в официальном порядке или по инициативе участника процесса).

Анализ этой отчетности позволяет сделать вывод о том, что в Турции число переводов в судопроизводстве постоянно увеличивается; вместе с тем, при сравнении общего количества уголовных дел в судопроизводстве страны и количества дел с участием переводчика, обнаруживается, что доля дел с участием переводчика все же значительно меньше, чем можно было предполагать.

Заслуживает внимания норма о том, что если ходатайство обеспечить официальным переводчиком было отклонено, участник процесса вправе пригласить переводчика по собственной инициативе и за свой счет; согласно ст. 213 УПК средства на путевые расходы и вознаграждение за предстоящий перевод, а также оплата в размере среднего ежедневного заработка по месту основной работы должны быть вручены переводчику вместе с повесткой. Представляется, что такой порядок (с последующим уточнением) более предпочтителен, нежели работа переводчика «в кредит».

Отмечая моменты, представляющие интерес для советской процессуальной теории и законодателя, диссертант вместе с тем указывает, что хотя в уголовном праве Турецкой Республики детально разработаны основания уголовной ответственности за заведомо ложный перевод, в УПК нет четкого определения самого положения переводчика в процессе. Достаточно узкая формулировка участия в судебном разбирательстве официального переводчика (как указывается в ст. 252 УПК Турции), подсудимый через него может «ознакомиться с выступлением своего адвоката и с речью государственного обвинителя». Это создает очевидную возможность того, что другие материалы дела лицу, не владеющему языком судопроизводства, могут остаться неизвестными.

Приведенные данные еще раз подтверждают необходимость взвешенного, обоснованного подхода к изучению зарубежного законодательства и практики. Здесь одинаково недопустимы ни игнорирование положительного опыта, ни огульное захваливание, забвение вклада, который отечественная правовая мысль вносит в мировую правовую культуру.

В заключении диссертации сформулированы выводы и предложения, направленные на дальнейшее развитие концепции национального языка судопроизводства, совершенствование законодательства и оказание помощи правоохранительным органам.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

1. Проблемы национального языка в судопроизводстве. Азербешр, Баку, 1989, 208 с. (см. рецензии: Коммунист Азербайджана, № 10, 1989; Социалист ганунчулугу, 1989, № 4; «Бакинский рабочий», № 203, 1989, 1 сентября; «Коммунист», № 175, 1989, 29 июля; «Вышка», № 246, 1989, 26 октября).
2. Национальный язык и право. «Гянджлик», Баку, 1990, 80 с.
3. Язык уголовного судопроизводства в зарубежных странах//Изд. АН Азерб. ССР, 1990, 56 с.
4. Роль и правовое положение переводчика в судопроизводстве//Изд. АН Азерб. ССР, 1990, 72 с.
5. Осуществление принципа национального языка судопроизводства— претворение в жизнь ленинской национальной политики в советском уголовном процессе//Труды ВШ МВД СССР, вып. 28, М., 1971, с. 172—176.
6. Работе переводчиков в судопроизводстве — организационную базу// Социалистическая законность, 1972, № 2, с. 60—62 (в соавторстве).
7. С участием переводчика...//Советская милиция, 1972, № 3, с. 54—57 (в соавторстве).
8. Национальный язык судопроизводства//Вестник МГУ, серия «Право», М., 1973, с. 35—37.
9. Пути совершенствования профилактической деятельности судебно-экспертных учреждений//Сборник научных трудов, вып., № 25, Баку, 1985, с. 13—27 (в соавторстве).
10. О развитии исследований проблем национального языка судопроизводства//Социалист ганунчулугу, 1989, № 3, с. 3—9.
11. Некоторые итоги участия органов прокуратуры Азербайджанской ССР во Всесоюзном смотре работы прокуроров по поддержанию государственного обвинения//Сб. научных трудов, вып., № 29, Баку, 1989, с. 193—199.
12. Государственный язык в правовом государстве//«Бакинский рабочий», № 175, 1989, 29 июля.
13. Роль государственного языка в межнациональном общении (на азерб. яз.)//«Коммунист», № 248, 1989, 28 октября.
14. Некоторые проблемы национального языка судопроизводства и пути их разрешения//Социалист ганунчулугу, 1989, № 3, с. 52—53.
15. Государственный язык в межнациональных отношениях//Социалистическая законность, 1990, № 5, с. 8—11.
16. Технические средства, используемые при переводе: состояние и тенденции развития//Социалист ганунчулугу, 1990, № 1, с. 3—10.
17. На демократической основе (на азерб. яз.)//Гласность, 1990, № 5, с. 19—24.
18. Состояние применения технических средств в процессе перевода в судопроизводстве (на азерб. яз.)//«Элм ве хаят», 1990, № 5, с. 13—15.
19. Роль переводчика в проведении почерковедческой экспертизы//Сб. научных трудов (вопросы судебной экспертизы), вып., № 30, Баку, 1990, с. 133—137.
20. Государственный, национальный и межнациональные языки в судопроизводстве: правовой аспект взаимодействия (на русском и азербайджанском языках)//Коммунист Азербайджана, № 6, 1990, с. 80—89.
21. Главное — демократия и гласность//Бакинский рабочий, № 162, 1990, 19 июля.
22. Как обеспечить демократию?//«Коммунист», 1990, 11 августа (на азерб. яз.).